

Б. Лавренев

Гравюра на дереве

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
Б11

Б11 **Б. Лавренев**
Гравюра на дереве / Б. Лавренев – М.: Книга по Требованию, 2016. – 101 с.

ISBN 978-5-458-04385-4

ISBN 978-5-458-04385-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016
© Б. Лавренев, 2016

Борис ЛАВРЕНЕВ

ГРАВИЮРА НА ДЕРЕВЕ

1

Кудрин стоял у окна, нетерпеливо ожидая возвращения машины. Сквозь большое зеркальное стекло, недавно промытое уборщицами к Первомайским торжествам, была видна мутная, вздущаяся Фонтанка. Тяжелая коричневая вода медленно, как стынущее машинное масло, уходила под низкую арку моста. Сквозь зеленую краску на арке проступали рыжие плешины ржавчины. В воде плавно кружились последние, идущие с Ладоги, льдины, обмытые и чистые, с кружевными изъеденными краями.

День был весенний, но еще по-зимнему бледный и лишенный красок. С Невы тянуло колючим ледяным ветерком, Немногие пешеходы брели по набережной, сгибаясь вперед, придерживая шапки и проламывая телами упругую вязкость ветра.

Кудрин смотрел на Фонтанку, на силуэт Михайловского замка за щеточкой еще оголенных ветвей старых деревьев, на пешеходов рассеянным и невнимательным взглядом. Глаза его механически вбирали видимое, мысли же были далеко. Он с неприятным чувством вспоминал только что происшедший в кабинете разговор.

Полчаса назад у Кудрина сидел технический директор треста Половцев, еще не старый, но уже известный специалист по керамике, профессор Политехнического института, бывший крупный деятель кадетской партии, человек острого, тропического и порой злого ума.

Кудрин недолюбливал его. Не то чтобы в нем жило органическое недоверие большевика, старого подпольщика, ссыльного, эмигранта, вынужденно покинувшего родину, а после революции прошедшего боевой путь комиссара, к специалисту сомнительной политической репутации. Нет, у Кудрина не было повода сомневаться в добросовестности Половцева, в искренности его желания работать с советской властью. Но Кудрин с трудом переносил ядовитые остроты и лукавые софизмы технического директора, когда между ними происходили разговоры, выходящие за деловые границы. И сейчас Кудрин был раздосадован таким разговором.

Половцев зашел в кабинет Кудрина в минуту, когда тот вызвал к себе главного бухгалтера, угрюмого пожилого человека, рьяного картежника и постоянного посетителя всех расцветших при нэпе значных мест, но превосходного знатока бухгалтерских тайнств. Кудрин хотел поговорить с бухгалтером по поводу случая, происшедшего утром в вестибюле треста.

Когда Кудрин, сдав в гардероб пальто, подошел к лифту, он заметил возле лестницы молодую женщину в сером потертом пальтишке и сбившейся набок измятой шляпке. Из-под шляпки на ее виски спадали мелкие кудряшки странно-розоватого оттенка. Круглые, широко расставленные, наивно-птичьи глаза ее были заплаканны. Держа за рукав собеседника, видимо какого-то работника треста, незнакомого Кудрину, женщина тихо и печально-ласково говорила:

- Но зачем же он прячется от меня? Не удалась жизнь, ошиблись, - что же сделаешь? Но почему он боится говорить со мной? Я ведь не устраиваю скандалов, истерик. Зачем же трусливо бегать от меня?

Заинтересованный Кудрин остановился у открытой двери лифта.

- Я не думаю, что он боится... Поймите, что ему, может быть, просто тяжело вас видеть, - ответил собеседник.

Женщина покачала головой:

- Почему же тяжело? Ну, разошлись, но неужели нельзя сохранить человеческие отношения? Нехорошо, что он уваливает и лжет. Еще раз повторяю, - я не хочу скандалов, У меня на руках исполнительный лист, но мне не хочется предьявлять его, Ему же будет неприятна огласка перед всеми... Но ведь он должен подумать о ребенке. А я ему третий день молока не могу купить. Беспомощные птичьи глаза недоуменно смотрели на собеседника, наливаясь слезами. Женщина подняла руку, смахнула слезу с ресниц и вдруг заметила Кудрина. Она залилась румянцем, заторопилась:

- Не буду вас задерживать, ухожу. Но все-таки передайте ему... скажите, что нехорошо. Мальчику нужно питание... молоко. Он такой слабенький.

Она повернулась и заспешила к выходу. Ее собеседник скользнул в кабинку лифта. Кудрин вошел за ним, нажал кнопку третьего этажа. Лифт загудел по-мелиному. Кудрин повернулся и спросил резко и властно:

- Вы из какого отдела?

- Из бухгалтерии, товарищ директор, - торопливо и испуганно, с угодливой улыбкой ответил тот, - работаю на учете фондов зарплаты. Никитин моя фамилия. Петр Васильевич Никитин.

- Объясните мне, с кем это вы сейчас разговаривали? Кто эта женщина?

Почему она плачет?

Улыбка Никитина стала еще угодливей.

- Извольте видеть, товарищ директор, это бывшая жена нашего счетовода Туткова. Разошлись... третий месяц. Тутков бегаёт от нее и не платит алиментов, а она тихая, не может взять его за манишку. А я ихний старый знакомый. Вот она и ходит, просит усювестить супруга. Она хорошая, и ребеночек у нее славенький.

В приторном тоне Никитина Кудрин уловил затаенное желание подложить свинью сослуживцу. Он брезгливо поджал губы.

- Ступайте работать и скажите главному бухгалтеру, чтобы он в перерыве зашел ко мне.

Сотрудник мелкой рысцой побежал по коридору, а Кудрин, нахмураясь, прошел к себе. Этот незначительный случай странно взволновал его, и он неприветливо встретил пришедшего на вызов бухгалтера.

Бухгалтер тоже встревожился вызовом. Его картежные подвиги уже были причиной неприятного разговора с директором месяца два перед этим, и бухгалтер решил, что предстоит новое крупное объяснение. Но когда Кудрин заговорил о Туткове, главбух, обрадованный тем, что недовольство директора направлено на другого, и обозленный на подчиненного, за которого приходится выслушивать замечания, раздраженно ответил:

- Тутков?... Есть такой! Сволочь, сопляк!

- Что у него за история с женой?

Главбух собрался рассказать семейную драму Тутковых со всеми подробностями, но в эту минуту в кабинет вошел Половцев, перебил главбуха вопросом, обращением к Кудрину, и плотно уселся в кресло, явно не собираясь уходить. Главбуху пришлось свести приготовленное повествование к сухому положению

фактов.

- Значит, суд присудил ей алименты, а этот гусь не платит? Так? - спросил Кудрин.

Главбух склонил лысую бугристую голову и развел руками:

- Именно так, Федор Артемьевич.

Кудрин постучал пальцами по столу и мельком взглянул на технического директора. Половцев со скучающим видом выпускал табачный дым из сложенных колечком губ. Лисье лицо его, с капитанской бородкой под нижней челюстью, было внимательно-проническим. Кудрин отвернулся и сердито сказал главбуху:

- Так вот!... Предупредите этого вашего молодого из ранних, что если он желает продолжать у нас службу, то будет безоговорочно выполнять решение суда, А нет, - пусть летит к чертовой матери, Я стаканчиков поощрять не намерен...

И в ответ на удивленный взгляд главбуха Кудрин пояснил:

- Вы хотите сказать, что это его частное дело и к службе не относится?... Нет, извините. Женщина ходит сюда, мучится сама, отрывает от дела сотрудников. Не сегодня-завтра первый припадок, истерика... Словом, предупредите, как я сказал. Не пожелает - марш вниз по лестнице и через парадное на улицу. Счетоводов на бирже труда легионы... Идите!

Главбух снова склонил голову с той всепонимающей улыбкой, которая у него всегда была наготове для разговора с директором, и вышел. Кудрин остался наедине с Половцевым.

- Что у вас еще, Александр Александрович?

- По службе ничего,- ответил Половцев, гася папиросу в хрустальной пепельнице,- а частным образом хочу спросить: если вам в течение ближайшего часа понадобится наш автотарантас, то позвольте воспользоваться. Мне нужно срочно заехать к Маргарите Алексеевне, до ее ухода на репетицию, а я боюсь, что на траме опоздаю.

- Пожалуйста, - сказал Кудрин, - только верните к половине второго.

- Даже раньше! - Половцев выдержал паузу и продолжал: - Признаюсь, я с любопытством наблюдал, как вы раскипятились. Собственно, из-за чего?

Почему вас так расстроила банальная история конторского кавалера Фоблаза? И что это за словечко «стаканчик»?

Кудрин усмехнулся:

- Не поняли?... А вспомните письмо Ленина Инессе Арманд насчет людишек, проповедующих теорию «стакана воды»... Которым взять женщину все равно что стакан воды выпить. Вот отсюда я произвел словечко «стаканчик». Не терплю эту дрянь! Главное, старо!... В царское время «огарки» и «свободные сексуальсты». Теперь имечко новое, а суть та же. Мразь и гниль! Половцев ухватил свою капитанскую бородку сжатыми, как ножницы, указательным и средним пальцами, отчего она веерком выпятилась вперед, и, прищурив умный, насмешливый глаз, язвительно сказал.

- Эк вас понесло, уважаемый начальник! А ведь вы сами в этом виноваты!

- Я??? - с изумлением спросил Кудрин.

- Ну, не вы персонально... Но... большевики!

- Что вы мелете, Александр Александрович?- резко перебил Кудрин. - Извольте завираться! Где же вы нашли у большевиков не только защиту, но хотя бы

нейтральное отношение к свиной распущенности, к стремлению превратить отношения мужчины и женщины в дешевый публичный дом, где можно за грош получить физическое удовольствие, не отягощенное никакими моральными обязательствами?... Где? Интересно!

Половцев откинул рукав пиджака и взглянул па циферблат часов.

- Досадно, что вы я тороплюсь и придется выложить вам наспех. Скажите, дорогой патрон, не вы ли, - я имею в виду большевиков, - не вы ли в октябре семнадцатого года возвестили стосемидесятиллионному населению бывшей Российской империи, что вами будут немедленно разрешены все матерьяльные и духовные проблемы, все «проклятые» вопросы бытия? Земля крестьянам, фабрики рабочим, а всем вместе полная свобода духа и полное уничтожение пошлой буржуазной морали, ликвидация брачных цепей. Не вы ли обещали раскрепощение от семейных обязанностей? Ведь обещали? Кудрин удивленно посмотрел на Половцева:

- Что за чушь?

- Постойте, постойте! - перебил Половцев. - Совсем не чушь. Не вы ли провозгласили свободу разводов и абортов, причуя и пап и мам к полной и цинической безответственности, к вульгарно-физиологическому отношению к проблемам пола?

- Но вы же знаете объективные причины, - вставил Кудрин.

- Э, батенька! - Половцев махнул рукой. - Про объективные причины я-то знаю потому, что я как будто не очень глуп и невежествен. При всех моих разногласиях с вами я прежде всего русский человек и уважаю вас уже за то, что вы первое русское правительство, которое отказалось торговать Россией оптом и в розницу на зарубежных рынках. Вы вернули России ее государственное и национальное достоинство, и поэтому я стараюсь честно служить вам в меру моих сил и знаний и помогать вам справляться со всеми объективными причинами. Я способен к жертвам и самоограничению, вызываемым объективными причинами, если эти жертвы нужны для больших и высоких целей. И отмену буржуазной морали и мещанских предрассудков вы провозгласили не для меня. Я все это для себя давно сам отменил. И цепями семьи себя не связываю.

- Последнее безусловно, - огрызнулся Кудрин, - вместо семьи вы устроили себе уютное гнездышко, куда и поедете сейчас на государственной машине.

Половцев засмеялся:

- Этим вы меня не уязвите, дорогой вождь! Не по моему почину государственные машины начали ездить по гнездышкам. Я мелкая сошка! Берите повыше!... А потом, я достаточно обеспечен, чтобы не слишком эксплуатировать доброту государства, и пользуюсь ею только в экстренных случаях. Мне хватает и на себя, и на Маргариту.

- Вы цинический интеллигент, - сказал Кудрин.

- Или интеллигентный циник... Возможно! Но дело не в этом. Повторяю, что я лично готов ждать обещанного вами земного рая хоть сто лет, удовлетворяясь сомнительными благами чистилища. Но десятки миллионов обывателей, у которых интеллект в эмбриональном состоянии, не хотят ждать. Обещали - подавайте немедленно и в горячем виде. Им нет дела до объективных причин, до капиталистического окружения, до всяких там четырнадцати держав, разевающих на нас пасти. Мещанин понял одно: ему обещаны дешевые и неприязательные

удовольствия, не отягченные никакими обязательствами, за которые он не несет никакой ответственности. поведение мешанина руководствуется не интеллектом, а физиологией. Вот и получается...

- Вот и получается бредовая чепухистика, - озлился Кудрин.

- А что получается у вас, дорогой вождь?. Совершенно немарксистские желание показывать теперь обнадуженному вами мешанину кузькину мать только за то, что он поверил возвышающему его обману... Однако хватит, пожалуй. Мне пора!

- Действительно хватит! - сухо сказал Кудрин.- не забудьте вернуть машину к половине второго.

- Не извольте беспокоиться. Ровно в час тридцать вы сможете отправиться в лоно вашей легальной социалистической семьи.

Половцев попрощался и ушел деловитой размашистой походкой. После его ухода Кудрин попытался разобраться в подложенных секретарем бумагах. Среди них было скучное и длинное изложение склоки, возникшей на одном из предприятий треста. Кудрин старался добраться до смысла сквозь нагромождение неуклюжих фраз, но мешало сосредоточиться раздражение от разговора с Половцевым. Кудрин досадливо отложил бумаги, встал и подошел к окну, продолжая думать о Половцеве и мысленно продолжая начавшийся спор. Но когда только начали складываться те неопровержимые положения, которыми он должен был опрокинуть нелепые рацеи технического директора, - к подъезду подкатила машина.

Кудрин вернулся к столу, собрал бумаги в портфель и направился к двери. Но ему вдруг расхотелось ехать домой. Нежелание это возникло внезапно и невольно, и Кудрин сам испугался сознаться себе, что оно порождено иронической фразой Половцева о социалистической семье Кудрина. Кудрин женился в двадцатом году на фронте. Женился неожиданно для себя на сотрудице агитпропа политотдела армии, в которой был комиссаром. Широкая в плечах, румяная и пышная, похожая на сказочную русского красавицу, она ходила всегда в длинной кавалерийской шинели, сдвинув набекрень фуражку с черным бархатным околышем, которая чудом держалась на ее обвитых вокруг головы тугих косах. Звали ее Еленой. Она пользовалась репутацией опытного агитатора, но ее докладные записки о выездах в части поражали Кудрина безграмотностью и то смешили, то раздражали его. Однажды в такой записке он обнаружил; фразу: «Казармы пастроины из сирцвого кердпидша». Кудрин вызвал Елену к себе.

- Послушайте, Молчанова, - сказал он, показывая ей записку с жирно подчеркнутым синим карандашом «кердпидшом», - это ж из рук вон! Стыдно!

Член партии, да еще агитатор, должен быть грамотным и писать по-человечески. Без обычной грамоты вы и политической грамотности не достигнете. Потрудитесь подучиться!..... Вы учились где-нибудь?

- В сельской школе, - ответила Елена, опустив ресницы над порозовелыми от обиды и волнения скулами, и Кудрин впервые заметил, что она по-женски хороша и привлекательна даже в своем солдатском наряде.

- Ступайте! - сурово сказал он. - Советую подзубрить орфографию и грамматику. Вы же ответственный работник агитпропа, а многие красноармейцы пишут грамотнее вас. Чему вы можете их научить?

Елена ушла и после этого разговора долго не появлялась. Как-то, вспомнив о

ней, Кудрин спросил у начальника агитпропа, куда девалась Молчанова. Тот ответил, что Молчанова болела сypньяком, но выздоровела и находится в отпуску. Кудрину стало жаль девушку. Он почувствовал неловкость, как будто резкий разговор с ней был причиной ее болезни. Он узнал ее адрес и вечером с заседания Реввоенсовета поехал к ней, захватив редкие по тому времени лакомства: баночку темной у сахарной патоки, мешочек сушеной кураги и два фунта сала. Он застал Елену в ее комнате у железной времянки, на которой она пекла картофельные олады. От жара времянки у нее разгорелись щеки, за время болезни она похудела и показалась Кудрину еще привлекательнее. Он просидел у нее весь вечер, наносил ей в бадейку воды из колодца и наколол из старой двери грудку щепок для времянки.

Потом он еще дважды заезжал к ней, а в третий раз, прощаясь, неожиданно обнял ее и привлек к себе. Она не отстранилась, и он остался у нее. Несколько дней спустя он перевез ее к себе в дом Советов и зарегистрировался в загсе. И они жили вместе уже восьмой год. За это время Кудрин старался помочь и общему и партийному развитию Елены, но особого успеха не добился. У нее был трезвый, но ограниченный ум, способный к твердому усвоению простейших истин, которые она заучивала накрепко и руководилась ими в жизни. Этих истин и упорной уверенности в правоте того дела, которому она служит, ей вполне хватало, и она не желала углублять и расширять своего кругозора. Все, что было за пределами заученных ею правил, было ей чуждо и непонятно, и она не хотела обременять себя липкими размышлениями. Ее прямолинейная самоуверенность порой выводила Кудрина из себя, но спорить с ней и убеждать ее было бесполезно. Она презирала всякий комфорт и уют, к жилью относилась, как к проходной казарме, и склонность Кудрина к хорошим красивым вещам называла с равнодушным презрением буржуазным обрастанием и барахольством.

Но характер у нее был ровный и спокойный, и за восемь лет Кудрин привык к ней, как к надежному спутнику в жизни. Детей у них не было. Елена не хотела рожать. Дети в ее представлении были досадной помехой для ее партийной работы в женотделе райкома.

Однако порой эта невозмутимость и ровность, переходящая в равнодушие ко всему выходящему за пределы узенького внутреннего мирка Елены, тяжело отражалась на Кудрине. Он начинал чувствовать, что, несмотря на долгую совместную жизнь, он и Елена оставались внутренне чужими друг другу людьми. Он не находил в Елене живого отклика на многое, что интересовало волновало его. Ему не удалось увлечь ее тем, чем увлекался он, и дом становился для него пустым и холодным. И сейчас, после разговора с Половцевым, ему не хотелось ехать домой. Он решил заехать на недавно открытую выставку графики. Он обычно не пропускал ни одной сколько-нибудь интересной выставки. На выставках он отвлекался от обычных будничных дел, возвращаясь в свою молодость. Еще в первых классах реального училища он любил рисование, и преподаватель, рассматривая его работы, увидел в них ростки дарования и посоветовал всерьез заняться живописью. Но из пятого класса Кудрина уволили за организацию политического кружка, и для него началась трудная бродячая жизнь профессионального революционера.

После ссылки и побега из Сибири, попав в эмиграцию, Кудрин поселился в Париже. Найдя работу в механической мастерской на Авеню Лябурдонне, он в

свободные часы бродил по городу с альбомом, делая зарисовки и акварельные этюды в различных уголках Парижа. И однажды решился понести свои работы к известному французскому мастеру, у которого была своя школа. Мэтр, который сначала принял бедно одетого и плохо говорящего по-французски иностранца с выражением скуки на сухоощавом смуглом лице, просмотрев и вынесенное, оживился и добродушно похлопал Кудрина по плечу:

- *Enfantillage... singerie... galimatias... Mais il y a quelque chose... Il faut beaucoup travailler, mon cher. Vous avez certainement du talent... Mais aucune école... Vous etes un sauvage!* ¹

Когда Кудрин объяснил художнику, что материальные условия не дают ему возможности серьезно учиться, мэтр задумался, пощипывая бороду и поглядывая на Кудрина хитроватым, проницательным, но добрым взглядом.

Потом вдруг ободряюще усмехнулся:

- *Vous etes Russe? Et certainement antitsariste? N'este-ce pas?* ²

Кудрин ответил утвердительно.

- *Vous savez!* ³Мой принцип не делать исключений. Я не могу благотворительствовать, иначе сам останусь без штанов. Способных, но бедных живописцев слишком много. Но для вас, мой друг, я нарушу свое правило. Вы мне понравились. У вас есть

такой чертовский огонек, который может разгореться. С завтрашнего дня приходите в студию работать... Ну, ну, без благодарностей. Не люблю! Три года работал в его студии Кудрин, быстро выдвинулся, дважды выставлялся в «Салоне независимых» и был отмечен прессой со снисходительным пренебрежением к иностранцу. Но пришла революция, возвращение на родину, горячка партийной и боевой работы в гражданскую войну, и живопись была надолго забыта. Однако после ранения, полученного при штурме мятежного Кронштадта, демобилизованный Кудрин, встав перед необходимостью определить свою дальнейшую дорогу, потянулся к оставленной профессии. В это время как раз началась реорганизация Академии художеств, и ее новый ректор, старый большевик и эмигрант, знавший Кудрина по Парижу, предложил ему преподавание на живописном факультете. Кудрин с радостью ухватился за возможность вернуться к любимому делу. Но когда он сказал о своем желании в отделе кадров губкома, заведомо, просмотрев анкеты, криво усмехнулся и предложил Кудрину подождать решения, так как вопрос не прост и о нем придется доложить председателю губкома. Спустя несколько дней Кудрин был вызван к председателю. В огромном кабинете за столом сидел лохматый, одутловато-бледный, как бы налитой водянойкой Григорий Зиновьев. Зиновьев посмотрел на Кудрина равнодушно-злыми свинцовыми глазами и, не предлагая сесть, ткнул указательным пальцем в лежащие перед ним на столе бумаги Кудрина.

- Ты что ж это в кусты лататы задаешь? - спросил он отрывисто-хрипло, медленно ползая взглядом по Кудрину. - Гайка ослабилась?

- Я не понимаю вас, - ответил Кудрин, сдерживал негодование.

- Врешь, понимаешь, - сказал Зиновьев, постукивая короткими пухлыми пальцами, поросшими рыжей шерстью, - Ишь, искусства ему захотелось. На уютненькую работку, почище да полегче.

- Я был пять лет на нелегкой работе, - Кудрин старался говорить спокойно, - И закончил ее тяжелым ранением в грудь. Об этом ясно сказано в моих докумен-

тах, И я не понимаю, почему вы думаете, что работа по созданию кадров советского изобразительного искусства легкая и чистенькая. Художник во время работы зачастую выглядит не чище трубочиста, а труд художника изнурителен и тяжел. Брюллов в обморок падал у мольберта...

Зиновьев встал, с трудом подняв с кресла распухшее тело.

- Довольно турысы на колесах вкручивать!... Завтра пойдешь в отдел кадров и получишь назначение. Нам в промышленность командиры нужны. И не брыкайся! Прошное у тебя не плохое, смотри, как бы я тебе будущее не попортил. Останешься без партбилета. Я и не таких, как ты, веревочкой скручивал... Все! Не держу!

Хотя Кудрин и был наслышан о сатрапских замашках «невского Дантона», но вышел от Зиновьева ошеломленный таким приемом. Вечером он поехал к одному из членов губкома, товарищу еще по ссылке, и с возмущением рассказал о происшедшем...

- Посоветуй, что делать?... Хамский тон и все это безобразие, - ладно, черт с ним, стерпеть можно, но главное не в этом. Я же никогда не имел дела с промышленностью. Какой из меня из черту командир в промышленности?... Как думаешь, может, съездить в Москву?

- Не рекомендую, - ответил член губкома, - хуже будет. Совсем голову потеряешь, если на него будешь жаловаться. Силен Гришка Отрепьев, до сих пор силен, хоть и помяли бока и за девятьсот девятнадцатый и за Кронштадт. Лучше сдавайся, подыми лапки и садись, куда прикажут. А там видно будет.

Спустя два дня Кудрин получил назначение красным директором треста «Ростеклофарфор». На первых порах он робел и семь раз отмеривал, прежде чем сделать какой-нибудь шаг, но за пять лет освоил работу треста и сейчас уже уверенно руководил комплексом крупных предприятий и даже полюбил широту этого дела. И, встретив на одном из совещаний того члена губкома, к которому приезжал поплакаться, со смехом вспомнил свой тогдашний испуг и колебания;

- Вот видишь, я же тебе говорил, - сказал член губкома, - и самого Гришку пересидел, и сидишь прочно, и репутацию себе сделал передового командира промышленности. Пойдем в буфет, хлопнем за твое настоящее и будущее по стаканчику.

Огромный размах деятельности треста, который требовал напряженного внимания директора, занимал все время Кудрина, и все эти годы он не брался за карандаши и кисти. Он как будто вычеркнул из своей жизни прошлое. Но по-прежнему любил бывать на выставках и следить за ходом развития изобразительного искусства, хотя многого не принимал и многое раздражало его.

В высоком гулком зале, где разместился после революции постоянный аукцион госантиквариата, было сумрачно и тихо, как в заброшенном лютеранском храме. Сходство еще усиливалось готической деревянной резьбой решетки и витражными розетками в высоких стрельчатых окнах. Между затянутыми суровым холстом стендами выставки была в беспорядке расставлена дорогая старинная мебель всех стилей, огромные фарфоровые вазы, бронза и мрамор. Сюда свозились из реквизированных особняков, из бывших помещичьих имений предметы искусства и старины, отбираемые особой комиссией в государственный фонд. Лучшее шло на пополнение музейных экспозиций, остальное распродавалось и распределялось по комиссионным магазинам.

Комиссия также приобретала предметы антиквариата от населения. Оценку предлагаемых вещей давали несколько экспертов, среди которых главным был ловкий проходимец, бывший присяжный поверенный Бураков. Пользуясь полной бесконтрольностью и неосведомленностью комиссии, которая в основном состояла из рабочих, Бураков рекомендовал к приобретению вещи второго и третьего сорта и отклонял лучшие, оценивая их как подделки или искусные копии, если владельцы в какой-либо степени разбирались в искусстве, либо просто объявлял не стоящей внимания пачкотней и ремесленничеством. Если владелец требовал более широкой экспертизы, требование безотказно удовлетворялось. Но эксперты составляли крепкий и тесно спаянный орден разбойников, и работы, подписанные именами крупнейших мастеров, квалифицировались как копии, сделанные учениками, а владельцу грозили неприятности за попытку ввести в заблуждение государственный орган. Спустя некоторое время к отчаявшемуся владельцу являлось некое подставное лицо, просило дать возможность познакомиться с отвергнутыми комиссией вещами, обволакивало изысканнейшей любезностью и в конце концов убеждало уступить полотно или скульптуру за десятую долю подлинной цены. Затем приобретенная драгоценность перекочевывала в обширную квартиру Буракова на набережной Невы, и постепенно в комнатах этой квартиры возник новый музей, который если и уступал по количеству собраниям Эрмитажа и Русского музея, то включал в свою «экспозицию» произведения, которыми могло гордиться любое собрание... Сокровищам Буракова стало наконец тесно в шести, огромных комнатах, и, используя высокий вестибюль старого петербургского дома, он развесил в нем устрашающие полотна кубофутуристов, от которых в ужасе шарахались тярлевские молочницы, носившие молоко в бураковский подъезд.

Вещи же, приобретенные комиссией, сваливались как попало в зале, ожидая своей очереди на распределение по объектам. И тут же устраивались немногие в эти годы выставки. На серых прямоугольниках стендов, как иконы фантастического иконостаса, были развешаны рисунки и гравюры. Взяв из рук кассирши у входа зеленый лоскуток билета, Кудрин с особенным удовольствием и волнением вдохнул знакомый сладковато-щекотный запах даммарного лака, прочно устоявшийся в зале.

Он равнодушно и не задерживаясь прошел мимо первых стендов, Выставленные на них работы не привлекли его внимания, Частью они раздражали глаз